

СВОЙ ГОЛОС

Рассказываем о звукоимитаторе Юрии Григорьеве

У него удивительный голос. Голос, который может урчать, скрипеть, шелестеть, подвывать, клокотать, трезвонить...

В его московской квартире соседи часто слышат приглушенные звуки музыки, пересвист птиц, шум воды, гудки причаливающих и отходящих от пристани пароходов, слышат, как бьются о стены звуковые волны радиоприемника, который настроивает и никак не может настроить чья-то беспокойно ищущая рука. Но, странное дело, они не бегут к нему с криком: «У вас вода из крана течет!» или «Выключите наконец эту чертову «Спидлоу»!», они спокойно воспринимают их, ибо знают, что сегодня репетирует Юра, а точнее, Юрий Алексеевич Григорьев, звукоимитатор, артист Московского театра. Да, они знают, но все-таки каждый раз невольно попадают «на удочку» этого удивительного голоса. Зашумел лифт — кто приехал? Прозвенел звонок — к кому? Прозвучали голоса — опять к Григорьеву гости?.. В Таиланде, в аэропорту, в ожидании самолета, он, сам не желая того, спровоцировал на поспешную посадку группу английских туристок. Просто сидел среди артистической гастрольной братии и пропищал — этак противно пропищал, как могут это делать электронные часы, — сигналы точного времени, и туристы с туманного Альбиона опомни-

лись лишь тогда, когда взглянули на висевшее над головами табло. Строгие англичане, слава богу, оценили юмор по достоинству. Одна чопорная леди потом в самолете Григорьеву прохода не давала: изобрази да изобрази...

Признаюсь, я тоже не избежал некоторого замешательства перед дверью его гостиничного номера в Вильнюсе, где он был на гастролях. За дверью разговаривали... на финском языке. Озабоченно глянув на номер комнаты, — неужели перепутал? — я все же решил постучаться — а вдруг? — и меня неожиданно встретили приветствием на чистейшем... литовском языке, причем с интонациями местного теледиктора. Если бы я не был днем раньше на концерте в Вильнюском дворце спорта и не узнал бы Юрия Алексеевича, то наверняка тотчас же извинился бы и вышел. Вот такой у него голос...

Лет пятнадцать назад один известный врач, фониатор, предрекал ему потерю голоса через год-другой в случае, если он так же интенсивно будет нагружать свои голосовые связки. «Знаете, молодой человек, — сказал ему фониатор, — у вас справа не-

большой узелок. Это, молодой человек, грозит вам бедой, надо побольше молчать...» После таких «ласковых» слов он несколько дней ходил сам не свой. Как? Потерять голос, потерять профессию, которую любил до бесконечности?! Неужели спять, как в начале своего жизненного пути, стать художником-ретушером, сидеть у станка и мелевать, подкрашивать, чернить брови, обозначать тени у фотопортретов? Он долго думал, как быть дальше. И сделал все наоборот. Вместо одного концерта стал давать два, три. Стал еще больше репетировать, изучать окружающие нас звуки, усилил нагрузки на голос — и он вдруг стал гибче, многообразнее.

С тех пор он твердо убежден, что ни в чем нельзя давать себе передышки, тем более в работе. Болит рука — тренируй руку, ломит поясницу — нагружай спину, на душе пусто — займись делом, а не лежи, вперишь взор в потолок. Только тогда победишь...

В Паланге местные врачкурортологи определяют по голосу с помощью научных приборов эмоциональное состояние пациента, его психофизическую структуру. Так

вот: его голос должен обмануть эти бесстрастные датчики. Он должен всегда предельно точно отображать окружающий нас мир звуков: гул стадиона, топот бегущих лошадей, шелканье дверного замка, телефонный звонок, парад — да мало ли звуков вокруг нас! Эффект узнавания — и гром аплодисментов в зрительном зале.

А все началось... с вокзала, напротив которого он жил в Баку. Он часто работал дома — ретушировал фотопортреты — и в открытое окно влетал вокзальный гам: «Поезд на Потти прибывает на третий путь», «Миша, Миша, переведи сто шестой на запасной». Доносились гудки паровозов и шипение тепловозов, крики носильщиков и шипение пара, стук колес и скрежет тормозов. Все это, впитанное случайно, он однажды выплеснул за семейным столом. Дед и мать буквально скорчились от смеха. «Юрка, — сказал дед, — ты талант!». Как потом окажется, дед смотрел в корень. Но остался бы его талант известным только в семье, если бы не случай.

Бакинская консерватория давала концерт. И надо же случиться казусу: ведущий

певец закрылся в комнате, чтобы порепетировать, попробовать свой голос, а открыть дверь не смог. Засуетились — номер пропадает! Под руку попался Юрий, и знакомая женщина, консерваторский работник, знавшая о его семейном даровании, в панике и дикой растерянности, — видимо, неожиданно прежде всего для самой себя, — предложила, махнув рукой: «Выходи на сцену, Юрочка, исполни «вокал» или «телефонный разговор». Он вышел. Исполнил. В зале такая буря поднялась! Хлопали стоя. Что-то кричали. Он стоял и не знал, что делать. До него ведь никто не занимался звукоподражанием. Он был — первооткрывателем нового жанра в советской эстраде.

Учиться было не у кого. Прислушивался к звукам, повторял их, записывал на старенький магнитофон, слушал, сравнивал. Бакинская госфилармония. Работа в оркестре О. Лундстрема в качестве Конферансье. Московский. Многие зрители — да что там зрители — коллеги! — ему не верили. Говорили: «Ну, Григорьев, чего уж там, сознаться, эти звуки у тебя на маг записаны, а сам ты лишь рот

раскрываешь». Один журналист в Калуге так и написал, что артист-де мистифицирует зрителей, ибо такое человеческий голос никак исторгнуть не может. Юрий Алексеевич потом его пригласил к себе, продемонстрировал, что называется, голос «в подлиннике». А в Афганистане, во время концерта в кабульском госпитале, когда он показывал номер «детективный фильм», при звуке выстрела несколько человек с первого ряда бросились на пол.

Его звукоимитация вкупе с текстом — почти обязательно пародия. А пародия не всякому по душе. Крепко доставалось Ю Григорьеву. У него привычка такая: прежде чем выступить в гастрольной поездке на местной сцене, обязательно узнает о новостях гаммошной жизни, потолкается в автобусах, магазинах, послушает, о чем народ говорит. Выступая в одном из городов Свердловской области, он всегласно покривочиковал и изобразил в звуках, как местные власти раскурочили улицу и не улоуужились закопать «археологические» раскопки... При этом добавил, что если бы в вырытую канаву с трубами упал очень ответственный

и руководящий товарищ, то на следующее утро все было бы зарыто, заасфальтировано. А когда приехал в Свердловск, там уже жалоба лежала.

Сейчас этот жанр только становится на ноги после стольких застойных лет. Многие отличных артистов-пародистов, конферансье потеряно из-за запретов.

У него всего около десяти реприз. Я удивился: почему так мало? Мне бы эти десять как следует отработать, улыбнулся он. Отшлифовывает их до тонкости. Несколько раз менял «радиоприемник», «газету», другие номера. К сожалению, многое из того, что дают писатели-сатирики, не удовлетворяет его. По многу раз переделывает сценарий.

...А голос у него удивительный. Он может кричать фальцетом сварливой женщины, снисходительно, начальственно басить, лебезливо дребезжать, плакать, как годовалый ребенок. Он может шуметь лесом, клекотать птицей, греметь литаврами, скрипеть дверью, шелестеть газетой. Я называл звук, а он мне его показывал. Потом мы сделали ва-оборот: он изобразил, а я отгадывал. Ни разу не ошибся.

Я думаю, в спектакле он сможет заменить все звуки. «Не преувеличивайте, — останавливает меня. — Лучше природы никто не произнесет...»

Н. ЛАШКЕВИЧ.

Вильнюс.

22 ИЮН 1987

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРАВДА
г. Москва